

ПЕПЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Пепельная память

«Автор»

2026

Северский А.

Пепельная память / А. Северский — «Автор», 2026

Корона Межи подчиняет городские клятвы лишь тому, кто добровольно отдаёт ей самое дорогое воспоминание. После смерти правительницы хранительница памяти Элина Вард должна удостоверить новую жертву — и обнаруживает, что корона наполнена чужими, насильно сожжёнными жизнями. Чтобы не допустить регента к власти, Элине приходится заключить союз с Тайром Лоссеном, наследником дома, который она считала виновным в гибели своей семьи. Он готов потерять память о сестре ради спасения приграничных островов. Она обязана не позволить ему забыть то, ради чего он собирается править. Пока столица требует нового монарха, противники ищут способ разделить власть, не превращая человеческую память в топливо. Но каждая правда о короне стирает ещё одну границу между долгом, предательством и любовью.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пепел без записи	6
Наследник Севаля	10
Семь свидетелей	14
Комната без эха	18
Клятва на сутки	21
Дом разбитых стекол	25
Голос в пепле	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Северский

Пепельная память

От автора

«Пепельная память» — самостоятельный роман о цене власти и о том, можно ли распорядиться собственной утратой так, чтобы она не стала оправданием для эксплуатации других.

Островной союз Лиор, его история, магия, законы, организации и персонажи полностью вымышлены. Магия памяти служит художественным механизмом и не описывает реальных психологических или медицинских методов.

В книге есть темы утраты близких, принудительного лишения памяти, политического насилия и последствий катастроф. Эти события показаны без натуралистических подробностей. Рекомендуемый возрастной рейтинг — 16+.

Пепел без записи

После смерти правительницы корону принесли в Палату памяти до рассвета.

Четверо стражников держали носилки так ровно, словно под тёмной тканью лежало тело. На самом деле там покоилась вещь легче зимней шали: семь прозрачных дуг, соединённых серебряными петлями. Но каждый в Элларе знал, сколько человеческой жизни помещается в этой лёгкости.

Элина Вард встретила процессию у внутренней двери. На ней был серый халат хранителя без траурной ленты. В Палате скорбь не давала дополнительных прав.

— Время снятия? — спросила она.

Старший стражник протянул табличку.

— Третий колокол и одиннадцать ударов.

— Кто присутствовал?

— Регент, лекарь, двое камеристок. И мы.

— Печать спальни?

Стражник показал восковой слепок. Печать была целой, если не считать тонкой царапины у края. Элина не стала решать, появилась ли она при снятии. Записала: «повреждение, происхождение не установлено».

За её спиной младший хранитель Роан переступил с ноги на ногу. До церемонии избрания оставалось два дня. Любая задержка сейчас стоила Палате больше, чем обычная ошибка, а значит, ошибки становились особенно вероятны.

— Переносили без остановок? — спросила Элина.

— На северной лестнице уступили дорогу лекарю.

— Сколько времени?

— Меньше минуты.

— Внесите остановку.

Стражник нахмурился, но добавил строку. Элина поставила подпись только после него. Потом открыла внутреннюю дверь.

Зал приёма не имел окон. Стены покрывали молочно-белые пластины, в которых чужие воспоминания не отражались. В центре стоял каменный стол с канавкой по краю. Если корона принимала жертву без разрешения, пепел не должен был покинуть стол вместе с одеждой или дыханием свидетеля.

Носилки опустили. Стражники отошли за черту. Элина проверила их имена по табличке и только тогда сняла ткань.

Корона Межи выглядела пустой.

Так полагалось после смерти носителя. Воспоминания Сайры Энн были запечатаны в отдельных стеклянных сотах, перечислены в реестре и переданы Палате ещё при её жизни. Последняя жертва — летний день на западной косе — должна была лежать светлой полосой у центральной петли. Элина увидела её сразу: мягкий золотой порошок, отзывающийся запахом нагретой травы.

Под золотом темнела другая полоса.

Она была тоньше волоса и шла не вдоль официальной канавки, а под ней, внутри стекла. Не серая, как старая память, и не белая, как память ребёнка. Почти чёрная.

Элина не прикоснулась к короне.

— Роан, закрой внешнюю дверь.

— Нам велели закончить опись к первому колоколу.

— Закрой.

Он повернул ключ. Стражники за чертой обменялись взглядами.

Элина взяла увеличительную линзу, нагрела оправу над синей лампой и дождалась, пока контрольная риска стала красной. Холодное стекло иногда прятало трещины; слишком горячее пробуждало пепел. Она подвела линзу к центральной дуге.

Чёрный слой состоял не из одной жертвы. В нём различались десятки тончайших прослоек, спрессованных так плотно, что снаружи казались линией. Ни одна не доходила до открытого приёмного желоба. Значит, их поместили внутрь во время ремонта.

— Реестр мастерских, — сказала Элина.

Роан уже держал книгу. За последние двенадцать лет корону ремонтировали дважды: заменяли левую петлю после падения и шлифовали помутневшую дугу. Оба раза работу выполняли в Палате, при трёх хранителях. Подпись наставника Элины стояла первой.

— Орис не мог этого пропустить, — прошептал Роан.

— Запиши наблюдение, не вывод.

— Здесь его подпись.

— Это наблюдение. «Не мог» — вывод.

Роан опустил голову и начал писать.

У внутренней двери трижды ударили рукоятью. Не условный стук Палаты, а дворцовый: быстро, без ожидания ответа.

— Хранительница Вард, — произнёс голос регента. — Откройте.

Элина накрыла корону тканью. Чёрная полоса всё ещё стояла перед глазами, как след сажи на чистом пальце.

— Палата ведёт приёмную опись.

— Я присутствовал при снятии и имею право удостоверить состояние реликвии.

Формально Марен Кель был прав. Регент представлял умершую правительницу до избрания новой. Но право присутствовать не означало права прерывать осмотр.

Элина подошла к двери, не открывая.

— Назовите цель доступа для записи.

На другой стороне наступила тишина.

Кель умел пользоваться паузой лучше придворных ораторов. Ему было пятьдесят два, и половину этого времени он удерживал семь островных домов от открытой войны. Элина видела его всего дважды близко. В обоих случаях он задавал вопросы так, словно ответ уже принадлежал ему.

— Убедиться, что корона готова к выборам, — сказал он.

— Готовность определяет Палата.

— Через два дня штормовой совет. Без носителя дамбы не получают общей клятвы. Если вы задержите выборы, первый затопленный квартал запишут на ваше имя.

Роан перестал царапать пером. Стражники смотрели в пол.

Элина знала прогноз. Южные ветры уже подняли воду у Севалья, склады Эллара держали камень и лес, пока островные дома спорили о цене поставок. Корона могла связать их обещания одной клятвой. Именно поэтому закон требовал проверять цену до того, как власть начинала торопиться.

— Я внесу ваше предупреждение в протокол, — ответила она.

— Внесите и то, что я приказываю открыть дверь.

— Приказ принят.

Элина вернулась к столу. На внутренней стороне двери находились две печатные скобы. Одну имела право закрыть Палата, вторую — представитель Совета. Использование только первой останавливало осмотр на шесть часов и автоматически вызывало семерых свидетелей. За ложную тревогу хранитель лишался должности.

Она достала полоску синего воска.

Роан побледнел.

— Если это старый осадок, нас распустят до вечера.

— Если старый, он должен быть в реестре.

— Орис мог вести отдельную книгу.

— Тогда он принесёт её свидетелям.

Элина нагрела печать Палаты. На воске появился знак открытой ладони: хранитель ничего не удерживает в одиночку. Она замкнула первую скобу.

За дверью Кель услышал щелчок.

— Вы понимаете, что сделали?

— Приостановила доступ до независимого осмотра.

— Вы сорвали избрание правителя из-за пятна.

— Пока я назвала его незарегистрированным пеплом.

Регент заговорил тише:

— Элина. Сейчас не время превращать профессиональную осторожность в политическое заявление.

Он впервые назвал её по имени. От этого приказ не стал просьбой.

— Тогда не превращайте политическую срочность в результат экспертизы.

Кель отошёл от двери. Она слышала короткий разговор со стражей, затем удаляющиеся шаги. Один из четверых остался снаружи — регент не нарушал печать, но и не оставлял её без наблюдения.

Роан выдохнул.

— Семерых свидетелей надо собрать до второго колокола. Орис в западном архиве. Представитель мастеров болен. От Севаля ещё никто не прибыл.

— Кто едет от Севаля?

Роан раскрыл список кандидатов.

— Тайр Лоссен.

Фамилия легла в зал тяжелее короны.

Десять лет назад корабли дома Лоссенов вошли в бухту Севаля. После их прибытия сгорел архив, исчезли сорок три человека и не вернулись родители Элины. Официальный отчёт называл это подавлением мятежа. Неофициальные списки — зачисткой свидетелей. Ни один суд не установил личной вины наследника, которому тогда было двадцать четыре.

Элина закрыла список.

— Найдём другого представителя островов.

— По закону кандидат имеет право присутствовать при осмотре короны, если обнаружение может повлиять на выборы.

Она сама учила Роана не заменять правило удобством. Теперь правило возвращало ей человека, которого она меньше всего хотела видеть рядом с памятью родителей.

— Отправь приглашение Лоссену, — сказала Элина. — Укажи, что доступ ограничен залом свидетелей. Без оружия, свиты и права касаться короны.

Роан записал.

— А до их прихода?

Элина снова открыла увеличительную линзу. Чёрный слой не двигался, но золотой пепел последнего лета Сайры дрогнул, хотя в зале не было ветра.

До прихода свидетелей Элина проверила всё, что могло создать ложный отклик. Роан сменил лампу, они вынесли металлические предметы, измерили вибрацию пола и попросили стражника пройти по северной лестнице. Ни шаги, ни сквозняк, ни нагретая оправа не повторили вдох.

Затем Элина подняла личные карточки Сайры. Правительница ежегодно проходила проверку памяти: называла людей, события и утраты, сравнивала собственное восприятие с архивом. За последние семь лет в записях появлялись странные пробелы. Сайра дважды не узнала

песню детства, хотя не приносила её в жертву, и однажды описала пожар в доме, где никогда не бывала.

— Смешение? — спросил Роан.

— Возможный перенос. Пока только три несвязанных эпизода.

— Если корона отдавала ей чужие воспоминания, она могла не знать?

— Могла. А могла знать и скрывать. Мы не выбираем версию до сравнения с ремонтом.

Элина приказала опечатать не только корону, но и личные журналы Сайры. Кель прислал письменное возражение: документы правительницы составляли государственную тайну. Велла ещё не прибыла, поэтому Элина использовала узкое право Палаты — защитить записи, непосредственно связанные с безопасностью реликвии, на шесть часов.

Она поставила срок на печати. Если за шесть часов не получит судебного подтверждения, журналы вернутся дворцу. Право хранителя не должно было расти только потому, что обнаружение казалось важным.

Роан спросил, почему детский отклик появился именно сегодня. Элина посмотрела на золотой пепел последнего лета Сайры. Возможно, смерть носительницы сняла давление, удерживавшее чужие слои. Возможно, приближение нового обряда разбудило их. Возможно, звук исходил не из короны.

Она велела каждому присутствующему отдельно записать, где он находился в момент первого вдоха и слышал ли похожий звук раньше. Стражник признался: при снятии реликвии в спальне ему показалось, что под тканью кто-то плачет. Он решил, что это одна из камеристок.

Новая деталь связывала отклик с короной до прибытия в Палату, но всё ещё оставалась воспоминанием человека после услышанного рассказа. Элина пометила её как зависимое свидетельство.

Из глубины стекла донёсся звук.

Не голос — один короткий вдох, испуганный и слишком молодой для умершей правительницы.

Роан уронил перо.

Элина накрыла корону второй тканью и записала время. Потом добавила строку, которую не хотела видеть ни в одном реестре:

«Внутри государственной реликвии обнаружена память неизвестного ребёнка».

Наследник Севая

Тайр Лоссен прибыл в Палату до того, как Элина успела решить, какими словами встретит его.

Он пришёл без свиты и оружия, как требовало приглашение. Тёмный дорожный плащ ещё блестел от дождя, на левом рукаве белела соль. Значит, корабль вошёл в гавань совсем недавно и наследник не заезжал в городской дом переодеться.

Роан провёл его до черты зала свидетелей. Тайр остановился там сам, не дожидаясь замечания.

— Хранительница Вард.

Он знал её лицо. Элина не удивилась: кандидаты изучали людей, от которых зависела законность их жертвы. Она тоже изучала его портреты — слишком правильные, с поворотом головы, скрывавшим шрам у правого виска.

— Представитель Лоссен. Оставьте плащ и назовите цель доступа.

— Участие в осмотре реликвии как кандидат от Севая и трёх внешних островов.

— До подтверждения полномочий вы присутствуете как свидетель от островных домов.

Тайр снял плащ. Под ним оказался простой серый камзол без цепи наследника. Он положил на стол тубус с документами и отступил, позволяя Роану проверить печати.

Элина ожидала возражения. Отсутствие возражения раздражало сильнее.

— Вы уже знаете, что обнаружено? — спросила она.

— Знаю, что Кель назвал это пятном, вы — незарегистрированным пеплом, а корабельный совет велел мне не соглашаться ни с кем до осмотра.

— Регент говорил с вами?

— Его посыльный ждал у причала. Я не принял письмо без записи передачи.

Тайр произнёс это без нажима, но Элина услышала ответ на её невысказанное обвинение: он тоже умел требовать след процедуры.

Роан разложил документы. Полномочия подтверждали пять печатей из семи. Для свидетельства хватало трёх; для выдвижения на корону требовались четыре. Тайр имел оба права.

— До общего осмотра корону вы не увидите, — сказала Элина. — Можете ознакомиться с приёмным протоколом.

Он прочёл запись стоя. На строке о детском вдохе пальцы сжали край листа.

— Вы уверены в возрасте?

— Нет. Указано впечатление свидетелей, а не установленный факт.

— Дайте услышать.

— Нет.

— Если голос принадлежит человеку с Севая, я могу его узнать.

— Или захотеть узнать.

Тайр поднял глаза.

— Вы пригласили меня как представителя острова и заранее решили, что моё свидетельство испорчено фамилией.

— Ваша фамилия связана с исчезновением людей, которых могут содержать в этом пепле.

— И с кораблями, на которых часть людей вывезли живыми.

— Официальный отчёт говорит иначе.

— Официальный отчёт составлял регент.

Первый точный удар он нанёс не оправданием дома, а общей мишенью. Элина почувствовала желание согласиться и оттого стала осторожнее.

— До прибытия остальных вы не услышите запись.

— Тогда обсудим мою жертву.

Он произнёс это так, словно речь шла о пункте повестки.

Кандидат обязан был заранее назвать память, которую готов отдать Короне Межи. Не содержание целиком — только границы, достаточные для осознанного согласия. Хранитель проверял, принадлежит ли воспоминание человеку, понимает ли он последствия и не действует ли под прямым принуждением.

— Прощение подано? — спросила Элина.

Тайр вынул из тубуса отдельный лист.

— Память о Нее Лоссен, моей младшей сестре. От её рождения до последнего разговора.

В зале стало тесно.

— Вы предлагаете весь образ человека, — сказала Элина. — Не отдельный день.

— Закон не ограничивает размер добровольной жертвы.

— Потому что составители закона не предполагали, что кандидат станет выжигать родство целиком.

— Именно поэтому дома поддержат меня. Никто не сможет утверждать, что Севаль достался мне бесплатно.

Элина посмотрела на него внимательнее. Под словами о сестре лежала политическая конструкция, рассчитанная заранее: великая утрата как доказательство права на великую власть.

— Что останется после обряда?

— Я буду знать, что у меня была сестра. Будут записи, портреты, рассказы других.

— Вы не вспомните её лицо без портрета. Не узнаете привычки. Не поймёте, почему произносите её имя именно так.

— Я изучил последствия.

— Перечислить последствия и представить жизнь после них — не одно и то же.

— Хранитель удостоверяет согласие, а не одобряет выбор.

— Верно. Поэтому отвечайте: если вы забудете причину своей кампании, что удержит вас от соглашения с людьми, виновными в её смерти?

Тайр не ответил сразу. За дверью кто-то провёз тележку со стеклянными сотами. Они тихо звякнули одна о другую.

— Обязательства перед островом.

— Их можно истолковать по-разному.

— Советники.

— Их можно заменить.

— Реестр.

— Он напомнит факт, но не вернёт цену.

— Тогда вы откажете любому кандидату. Вся коронная жертва ослабляет причину, ради которой её приносят.

Элина ненавидела, что он прав. Закон строился на парадоксе: власть подтверждалась потерей, способной изменить самого правителя. Хранитель не выбирал безопасную память вместо кандидата. Он проверял свободу решения и пределы будущей личности.

— Я приостанавливаю удостоверение, — сказала она. — Память о Нее связана с незарегистрированным пеплом и событиями, которые Палата расследует. Пока мы не знаем, не содержится ли её часть в короне, ваша жертва не имеет установленных границ.

— Вы считаете, что там Нея?

— Я считаю, что это нужно исключить.

Тайр сделал шаг к черте и остановился прежде, чем носок коснулся белой полосы.

— Если её память украли, я имею право знать.

— Право получит тот, кто сможет услышать запись, не уничтожив след своим ожиданием.

— То есть не я.

— Пока — не вы один.

Он отвернулся к стене без отражений. Шрам у виска стал виден: тонкая неровная линия уходила в волосы. На портретах его действительно скрывали не случайно.

— В ночь пожара, — сказал Тайр, — Нея оставалась в доме на Севале. Я велел ей ждать корабль. Когда вернулся, комнаты были пусты. Через неделю Кель передал нашему отцу закрытый список погибших. Её имени там не было.

— Почему об этом нет в материалах расследования?

— Отец согласился признать её погибшей. Взамен обвинения с дома сняли до суда.

— А вы?

— Подписал свидетельство о смерти.

Он не добавил, что был молод, боялся или подчинялся. Элина отметила отсутствие оправдания и не позволила ему стать достоинством.

— У вас сохранилась копия?

— Оригинал. Я привёз его.

— Передайте Роану под расписку.

Тайр вынул сложенный вчетверо лист из внутреннего кармана. Бумага была истёрта на сгибах. Человек, готовый добровольно забыть сестру, носил её свидетельство о смерти у сердца.

Роан оформил конверт. Тайр подписал клапан и спросил:

— Когда соберутся семеро?

— К полудню.

— Я останусь здесь.

— В комнате свидетелей.

— С дверью наружу?

— С двумя дверями и правом уйти в любой момент.

— Вы действительно говорите это всем кандидатам?

— Всем людям перед обрядом.

На мгновение его лицо изменилось. Не улыбка — узнавание правила, которое он ожидал встретить только на бумаге.

Роан проводил Тайра в соседнюю комнату. Элина осталась у стола и перечитала прошение. Формулировка была безупречной. Ни просьбы о славе, ни мести, ни обещания помнить сестру через поступки. Только точные границы утраты.

На обороте стояла дата: прошение составили за три месяца до смерти Сайры.

Элина вызвала Роана обратно.

— Проверь, когда Совет впервые обсуждал кандидатуру Лоссена.

— До смерти правительницы?

— Вот это и нужно установить.

Из комнаты свидетелей донёсся один удар. Тайр просил открыть дверь, не нарушая установленного порядка.

Перед тем как оставить Тайра одного, Лисса провела краткую проверку состояния. Он назвал дату, место и цель прибытия, подтвердил отсутствие настоев и признал, что ожидание голоса Неи может заставить его слышать смысл в обычном шуме. Это признание внесли в протокол рядом с его будущими показаниями.

В комнате свидетелей не было предметов с памятью. Стены проверили утром, окно выходило во двор, дверь имела двойной слой нейтрального дерева. Тайр осмотрел помещение вместе с Роаном и подписал, что не обнаружил очевидного источника отклика.

Элина наблюдала через небольшое стекло без звука. Наследник сначала стоял, потом сел на пол у стены, не пытаясь приблизиться к двери зала. Он достал из кармана маленькую верё-

вочную петлю — детскую игрушку или морской узел — и сразу убрал, заметив, что предмет может влиять на память.

Роан вернулся с ответом из Совета. Кандидатуру Тайра начали обсуждать не три месяца назад, а почти год назад, ещё при хорошем здоровье Сайры. Закрытое заседание созвал Кель. Значит, прошение о жертве готовили не после внезапной смерти правительницы.

— Он знал, что престол освободится? — спросил Роан.

— Или готовил преемника на случай болезни. Не подменяйте дату выводом.

Элина попросила копию медицинского журнала Сайры и список людей, знавших о состоянии. Политический план мог быть обычной предусмотрительностью. Но если регент заранее направлял Тайра к памяти Неи, он мог знать, что именно скрыто в короне.

Из комнаты донёсся удар. Один, затем пауза. Не сигнал тревоги, а просьба открыть.

Когда Роан повернул ключ, наследник стоял у порога с побелевшим лицом.

— Я услышал её, — сказал он.

— Корона накрыта и находится через две стены.

— Я знаю.

— Что именно вы слышали?

Тайр посмотрел на опечатанный зал.

— Нея сказала: «Не отдавай им меня».

Семь свидетелей

К полудню в Палате собрались семеро и никто не доверял остальным.

Элина выбрала их по закону, а не по удобству: мастер коронного стекла Дерен Фаль, лекарь памяти Лисса Орд, представитель храмов Амон, городской судья Велла Рин, архивист Орис, кандидат Тайр Лоссен и сама Элина как хранительница приёма. Роан вёл протокол и не имел голоса.

Регент Кель потребовал присутствовать восьмым. Судья отклонила требование: представитель власти мог наблюдать из-за прозрачной перегородки, но не влиять на число свидетелей. Кель занял место в соседней галерее, где его силуэт отражался в семи стеклянных пластинах.

Перед открытием Элина прочла правила.

— Никто не касается реликвии без названной цели и согласия двух специалистов. Любое впечатление сначала записывается отдельно. Мы не обсуждаем услышанное, пока все записи не запечатаны. Свидетель может остановить осмотр, если ощущает вторжение в собственную память.

— Даже кандидат? — спросил Амон, глядя на Тайра.

— Особенно кандидат.

Тайр стоял у дальней стены. С момента услышанной фразы он не задавал вопросов. Элина записала его сообщение отдельно, не позволяя остальным прочитать.

Орис пришёл последним. Наставник Элины постарел за утро: белые волосы выбились из узла, застёжка мантии была продета не в ту петлю. Он увидел двойную печать и остановился.

— Ты вызвала полный круг из-за осадка?

— Из-за незарегистрированного пепла и звукового отклика.

— Корона старше наших реестров. Внутренние слои никто не обязан был описывать.

— Этот слой находится под дугой, заменённой семь лет назад.

Орис посмотрел на книгу ремонтов. Его подпись была видна даже издали.

— Тогда откроем и установим, — сказал он.

Не оправдание. Не удивление. Элина не знала, что пугает сильнее.

Судья проверила печати. Мастер Фаль измерил температуру зала, лекарь — пульс участников. Тайр отказался от успокаивающего настоя: любое средство могло изменить восприятие. Лисса записала отказ без замечаний.

Элина разомкнула скобу Палаты. Велла — скобу Совета. Ткань сняли с двух сторон одновременно.

Чёрная линия стала толще.

Роан ахнул, но продолжил писать. Утром слой едва различался под золотой памятью Сайры. Теперь он расходился по дуге тонкими ветвями, словно пепел искал выход.

— Температура? — спросила Элина.

— Без изменений, — ответил Фаль.

— Влажность?

— Норма.

Орис подошёл к черте.

— Корона реагирует на присутствие претендента. Это бывает перед избранием.

— Зарегистрированные жертвы светлеют, — сказала Элина. — Незвестный слой не должен двигаться.

— Если он неизвестен нам, это не значит, что он неизвестен самой короне.

Тайр тихо произнёс:

— Она снова говорит.

Элина подняла ладонь. Никто не задавал ему вопросов. Каждый взял карточку и записал собственное восприятие.

Она слышала не слова, а шорох множества вдохов. Пахло мокрой шерстью и горьким дымом. Перед глазами на миг возник деревянный потолок, слишком низкий для дворцовой комнаты. Чужое колено упиралось ей в бок. Кто-то рядом считал волны.

Элина отступила. Видение исчезло.

Лисса спросила, нужна ли остановка.

— Нет. Записала.

Тайр держал край стола свидетелей. Его костяшки побелели.

Через одну минуту Фаль накрыл корону экраном. Участники сложили карточки в отдельные конверты. Роан перемешал их прежде, чем передать судье.

Велла читала без имён.

Трое слышали дыхание. Четверо ощущали качку. Пятеро уловили дым. Двое видели низкий потолок. Только один записал слова: «Не отдавай им меня». Другой: «Тайр, не отдавай».

Судья подняла обе карточки.

— Чьи?

Тайр назвал свою. Вторую написала лекарь Лисса.

— Я не знаю этого имени, — сказала она. — До осмотра господин Лоссен со мной не говорил.

— Вы могли слышать у двери, — заметил Амон.

— Могла. Поэтому запись не является независимым подтверждением содержания.

Лисса сама ослабила ценность своего свидетельства. Тайр посмотрел на неё с благодарностью, которой она не попросила.

Фаль изучал корону через линзу.

— Слои запаяны изнутри. Чтобы поместить их туда, дугу размягчали в мастерской.

— При каком ремонте? — спросила Велла.

— По положению — при замене левой петли. Семь лет назад.

Все посмотрели на Ориса.

Он не отвёл глаз.

— Я удостоверял закрытие работы. Внутреннюю канавку проверял мастер Севрин Касс.

— Его подписи нет, — сказала Элина.

— Он умер до окончания ремонта. Я принял его часть на себя.

— Почему это не указано?

— Потому что корону требовали вернуть Сайре к заседанию домов. Задержка могла сорвать клятву о зерне.

Те же слова, что у Келя: срочность, поставки, цена задержки. Элина впервые услышала их голосом человека, который учил её не пропускать ни одной строки.

— Вы осматривали канавку лично? — спросила судья.

Орис молчал достаточно долго, чтобы ответ стал понятен.

— Нет.

Кель за перегородкой положил ладонь на стекло.

— Это нарушение процедуры, а не заговор, — произнёс он через переговорную щель. — Палата расследует его после выборов.

— Пока происхождение пепла не установлено, корона не может принять новую жертву, — сказала Элина.

— Тогда острова останутся без общей клятвы в шторм.

— Совет вправе принимать решения без магии.

— Семь домов не подпишут расходы, если каждый сможет отказаться утром.

— Значит, проблема не в отсутствии короны. Проблема в цене их обещаний без неё.

Кель отвернулся от щели.

Тайр неожиданно спросил мастера:

— Можно определить, чья память находится внутри?

— Если снять дугу и отделить пробу.

— Риск? — спросила Элина.

— Смешение слоёв. Потеряем порядок, возможно — часть содержания.

— Не снимаем.

— Там может быть моя сестра.

— И ещё десятки людей, — ответила Элина. — Ваше право не больше их права остаться различимыми.

Тайр сделал вдох, собираясь спорить. Потом посмотрел на чёрные ветви и кивнул.

— Что можно сделать без разрушения?

Фаль предложил световое чтение: провести по дуге слабым огнём памяти и записать отклики, не извлекая пепла. Для этого требовалась контрольная фраза человека, которого слой уже узнал.

— Нет, — сказала Элина прежде, чем Тайр успел согласиться. — Мы не используем его голос, пока не установим последствия.

— Последствие — я услышу больше, — сказал он.

— Или слой возьмёт часть вашей памяти как открытый путь.

Лисса подтвердила риск. Тайр отступил.

Орис держался за спинку стула.

— Есть записи мастерской, — сказал он. — Не общий реестр. Рабочие листы Севрина. Их не перенесли после его смерти.

— Где?

— В доме разбитых стекол, у старой восточной стены.

Фаль нахмурился.

— Мастерскую закрыли пять лет назад.

— Архив остался в подвале.

— Откуда вы знаете? — спросила Элина.

Орис посмотрел на свою подпись в книге.

— Потому что каждый год оплачивал хранение.

Он достал ключ. Не передал Элине — положил в центр стола, чтобы его видели семеро.

— Почему молчали семь лет? — спросил Тайр.

— Потому что сначала думал, что спасаю одну клятву о зерне. Потом понял: признание поставит под сомнение все клятвы Сайры после ремонта.

— И решили спасти их дальше.

— Я решил не разрушать союз из-за того, чего не мог доказать.

Элина почувствовала старую привычку искать в словах наставника разумное основание. Оно существовало. Именно это делало молчание опасным: Орис не был трусом, который однажды испугался. Он строил из первого нарушения систему последовательных оправданий.

Судья Велла составила решение. Корона оставалась опечатанной. Выборы могли провести только без магического обряда. Палата получала право осмотреть архив мастерской при свидетелях. Орис временно отстранялся от доступа к реестрам, но сохранял право дать объяснение.

Семеро подписали документ. Кель отказался ставить восьмую подпись и письменно указал возражение.

После подписания Велла предложила каждому свидетелю отдельно назвать личную заинтересованность. Амон хотел сохранить священный статус короны. Фаль боялся, что расследование уничтожит доверие к мастерам стекла. Лисса лечила Сайру и могла защищать соб-

ственные прежние заключения. Орис подписал ремонт. Тайр искал сестру. Элина расследовала гибель родителей.

Судья записала и свою зависимость: она состояла в коллегии, дважды подтверждавшей чрезвычайные полномочия Келя. Нейтрального человека в комнате не осталось. Вместо мифа о беспристрастности они получили карту интересов, которую можно было учитывать при оценке каждого слова.

Фаль проверил возможность естественного проникновения пепла во время ремонта. Для этого частицы должны были пройти против направления расплавленного стекла и сохранить сорок три отдельных слоя. Он назвал вероятность низкой, но не нулевой без рабочих листов. Амон потребовал записать «невозможно». Мастер отказался.

Тайр попросил копию только той части протокола, где находились его показания и решения о доступе. Полный текст содержал медицинские сведения Лиссы и личный интерес судьи. Элина отметила: даже участник осмотра не получает автоматически всё, что услышал в комнате.

Орис передал ключ от мастерской и попросил оставить ему копию собственного признания. Велла согласилась: временное отстранение не лишало его права видеть слова, за которые он отвечает.

Когда ткань вернули на корону, чёрные ветви медленно стянулись в линию.

Тайр стоял ближе всех. Элина увидела на прозрачной дуге слабое отражение его лица. В ту же секунду из-под ткани прозвучал детский голос — теперь достаточно ясно для всех:

— Он привёз нас сам.

Стражники у двери потянулись к мечам, будто голос можно было задержать.

Тайр не двинулся.

— Запишите, — сказал он Роану. — И не убирайте моё имя.

Комната без эха

Дом разбитых стекол стоял там, где восточная стена Эллара сходилась к старой гавани.

Когда-то здесь выдували прозрачные соты для Палаты. После землетрясения мастерскую признали опасной, окна заколотили, а двор использовали для хранения камня. На фасаде сохранилась мозаика: человек протягивал другому светящийся шар памяти. Половина лица дарителя осыпалась вместе со штукатуркой.

Элина прибыла с судьёй Веллой, мастером Фалем и двумя городскими стражниками. Тайр имел право присутствовать как затронутый свидетель. Он привёл одного секретаря без знаков дома. Орис остался в Палате под запретом доступа.

Ключ наставника открыл наружную дверь с первого раза.

— Значит, замок обслуживали, — сказал Фаль.

Элина записала. Пыль на полу могла рассказать меньше, чем исправная пружина.

Внутри пахло мокрой известью. Под ногами хрустели осколки, отражая людей неправильными частями: глаз судьи, рукав Тайра, пальцы Элины вокруг журнала. Фаль проверял стены деревянным молотком и отмечал безопасный путь мелом.

В подвал вела лестница без перил. На первой ступени Тайр предложил Элине руку. Она посмотрела на ладонь.

— Здесь скользко, — сказал он.

— Я вижу.

Он убрал руку без насмешки и пошёл после неё. Отказ не превратился ни в обиду, ни в испытание. Элина заметила это против воли.

Подвальная дверь имела новый замок, которого ключ Ориса не касался. На железе стояло клеймо городской службы снабжения.

— Кель? — спросил Тайр.

— Служба подчиняется регенту, но замок мог поставить любой уполномоченный чиновник, — сказала Велла.

— Вы все говорите так, будто каждое существительное может подать на вас в суд.

— Только те, у которых есть власть, — ответила судья.

Стражник вызвал слесаря со стены. Тот подтвердил клеймо и вскрыл замок при двух подписях. За дверью обнаружился коридор, которого не было на плане мастерской.

Звук шагов исчез сразу за порогом.

Элина остановилась. Тайр сказал что-то секретарю, но губы шевельнулись без голоса. Даже звон ключей не достигал слуха.

— Комната без эха, — произнесла Велла, не услышав себя.

Фаль показал жестом назад. Они вернулись к лестнице.

— Глушащее стекло, — объяснил мастер. — Его применяли в покоях для восстановления после обряда. Здесь слой слишком толстый.

— Можно пройти безопасно? — спросила Элина.

— Для слуха — да. Для памяти не знаю, пока не возьму пробу стены.

Они не вошли снова. Фаль соскоблил крупницу у порога длинным инструментом и растворил в контрольной чаше. Вода стала мутной, но не изменила цвета.

— В стекле есть отработанный пепел. Он поглощает отклик.

— Чей пепел? — спросил Тайр.

— После смешения не определить.

Элина посмотрела в беззвучный коридор. Стены комнаты были сделаны из утрат, которым уже не возвращали имён.

Они привязали к поясам сигнальные шнуры. Один рывок означал остановку, два — выход, три — опасность. Каждый повторил знаки руками. Тайр закрепил свой шнур сам и позволил стражнику проверить узел.

В комнате без эха время измеряли дыханием. Элина считала шаги. На двадцать четвёртом увидела первую дверь, на тридцать первом — вторую. Обе были открыты.

За первой стояли пустые кресла с высокими спинками. К подлокотникам крепились кожаные ремни, но пряжки сняли. Элина не стала подходить ближе. Она зарисовала расположение и указала Велле на тёмные пятна у пола.

Судья приложила измерительную пластину. Следы шли рядами — десятки пар ног на одном месте.

Тайр замер у стены. На белом стекле кто-то царапал короткие вертикальные линии, объединяя их по семь. Возле нижнего ряда находился детский знак Севале: лодка с тремя волнами, которой на острове отмечали школьные тетради.

Он коснулся собственного запястья, а затем показал Элине: такой же знак был выжжен на внутренней стороне манжеты. Не герб дома — островная метка.

Элина сфотографировала царапину световым стеклом. Тайр не пытался приблизиться.

Вторая дверь вела в архив. Полки занимали всю комнату, но папки стояли только наверху. Нижние ряды были пусты и покрыты более светлой пылью: документы унесли недавно.

Фаль нашёл рабочие листы Севрина в металлическом ящике. Элина видела дату ремонта короны на верхнем листе. Между строками о температуре и составе стекла стояло обозначение «примесь К-43».

Сорок три человека исчезли на Севале.

Тайр прочёл запись через её плечо. В беззвучной комнате Элина слышала его дыхание не ушами, а дрожью сигнального шнура.

Свет погас.

Три рывка пришли одновременно со стороны коридора.

Элина закрыла ящик и прижала к груди. Велла указала на выход, но в проёме уже стоял человек в маске мастера. Он держал не меч, а стеклянный молоток. За ним появились ещё двое.

В комнате без эха нельзя было позвать стражу.

Первый нападавший ударил по стене. По белой поверхности побежала трещина. Отработанный пепел высыпался чёрным облаком.

Элина задержала дыхание. Чужая память коснулась кожи холодом. На мгновение она увидела руки ребёнка, связанные красной лентой, и корабельный люк над головой.

Тайр схватил её не за руку, а за край халата, утягивая из облака. Она позволила. Велла бросила в нападавших измерительную пластину. Фаль дёрнул шнур трижды, снова и снова.

Стражники не отвечали.

Второй человек направился к металлическому ящику. Тайр мог перекрыть ему путь, но тогда первый отрезал бы Элину от выхода. Он толкнул ящик Велле, подхватил Элину за плечи и вывел в коридор.

Документы остались у судьи. Нападавший остался рядом с ними.

Элина вырвалась.

— Велла!

Собственный голос вернулся у порога резко, почти больно. Тайр развернулся, но судья уже появилась из белого коридора. Она волокла ящик за ручку, а Фаль прикрывал её дверцей от шкафа.

За ними стены продолжали трескаться без звука.

— Наружу, — приказала Велла.

У лестницы лежал один стражник. Он был в сознании, но не помнил, почему пришёл. Второй исчез. Слесарь сидел у стены и повторял адрес собственного дома, чтобы не потерять его.

Нападавшие не преследовали. Их целью был архив.

На дворе Тайр передал Элину лекарю городской стены и только потом проверил секретаря. Тот получил удар по голове, пока сторожил вход. Личных потерь памяти у него не обнаружили.

Элина держала металлический ящик. Внутри сохранились рабочие листы, но не все: тонкая папка с пометкой «К-43» исчезла. Велла успела вырвать из неё только первую страницу.

— Вы выбрали людей, — сказала Элина Тайру.

— Что?

— Могли задержать одного из них. Вместо этого вывели меня.

— Это обвинение?

— Наблюдение.

— Тогда запишите и другое. Я знал, что судья несёт документы. Не выбирал между вами и доказательством.

Он не позволил ей превратить поступок в более благородный, чем тот был. Элина записала обе строки.

Фаль показал осколок стены. Внутри белого стекла застряла тёмная нить ткани.

— Форма дворцовой мастерской, — сказал он. — Но такие халаты можно взять на складе.

Перед уходом Велла опросила стражника, потерявшего цель прихода. Он помнил имя, службу и утро до мастерской, но не сам приказ сопровождать судью. На внутренней стороне его перчатки нашли написанный заранее адрес Палаты. Возможно, он ожидал риск и оставил себе опору; возможно, запись сделал другой человек.

Слесарь опознал исчезнувшего второго стражника как человека, который первым предложил вскрыть новый замок без ожидания владельца. Это не доказывало участия в нападении, но показывало доступ к подготовке. Велла передала описание всем городским постам и отдельно запретила объявлять его виновным до задержания.

Фаль проверил тёмную нить ткани. Синяя основа действительно соответствовала дворцовому заказу, однако верхний серый слой добавляли десятки частных мастерских. След можно было связать с поставкой, не с человеком. Ивара Тесс значилась одной из мастериц, способных изготовить такую ткань для защитных халатов.

Элина составила перечень утраченного. Помимо папки К-43, исчезли два листа о ремонте центральной петли и список закупок нейтрального песка. Нападавшие выбирали документы, а не уничтожали всё. Значит, знали архив или получили указание от человека, который знал.

Тайр предложил опубликовать обозначение К-43 немедленно. Велла отказалась до уведомления возможных жертв: если число относилось к людям, их семьи не должны были узнавать о похищенной памяти из крика на площади. Они подготовили короткое сообщение только о найденной незаконной мастерской и нападении.

Эта осторожность дала противнику несколько часов. Она же оставила сорока трём неизвестным право не становиться политическим числом раньше имени.

Тайр смотрел на первую страницу К-43. В графе заказчика стояла не печать Лоссенов и не подпись Келя. Только две буквы: «С. Э.».

Сайра Энн.

Умершая правительница сама заказала примесь для короны.

Клятва на сутки

После нападения Кель предложил охрану, от которой невозможно было отказаться незаметно.

Десять дворцовых стражников заняли вход в Палату, двое встали у комнаты Элины, ещё четверо сопровождали металлический ящик. Регент называл это защитой свидетелей. Судья Велла — сохранением контроля над уликами.

— Если мы уйдём через главную дверь, он будет знать каждый адрес, — сказала она.

Они собрались в малой комнате описи: Элина, Тайр, Велла, Фаль и Роан. Окна выходили во внутренний двор, где люди Келя меняли караул.

Рабочий лист Севрина лежал под стеклом. Обозначение «К-43» могло относиться к партии, составу или числу. Буквы Сайры подтверждали заказ, но не цель. Единственный человек, способный объяснить запись, — мастерская свидетельница Ивара Тесс — жила за западным рынком.

— Я могу вывезти её под защитой Севаля, — сказал Тайр.

— И дать Келю повод назвать свидетеля собственностью вашего дома, — ответила Элина.

— Палата уже окружена его стражей.

— Поэтому ей нужна не новая сторона, а путь между сторонами.

Велла предложила судебное убежище. Для него требовалось решение коллегии, которая соберётся только утром. До утра Кель мог первым найти Ивару.

Роан принёс карту служебных ходов. Два выхода были перекрыты, третий вёл через зал короны. Нарушить печать означало прекратить расследование.

— Есть четвёртый, — сказал Фаль. — Старый канал подачи стекла между Палатой и мастерскими. Им не пользуются, потому что часть проходит под храмовой землёй.

Амон не разрешил бы пройти без формального основания. Основанием могла стать ограниченная клятва Палаты: два участника добровольно отдавали малые воспоминания и получали право выполнить точно названную задачу. Такие клятвы применяли при пожаре или переносе опасного пепла. Они действовали не дольше суток.

— Я пойду с Элиной, — сказал Тайр.

— Нет, — ответила она.

— Кель следит за вашими хранителями. Мои люди не знают о канале.

— Вы кандидат, заинтересованный в содержании архива.

— Поэтому моя клятва будет видна всем.

Велла поддержала его. Два политических противника, связанные узкой задачей, были труднее для Келя, чем отряд одного дома. Элина понимала расчёт и всё равно не хотела впускать Тайра в магический договор.

— Что вы готовы отдать? — спросила она.

— Последний круг скачек на зимнем поле. Я победил двоюродного брата и три года вспоминал это при каждом споре с ним.

— Потеря изменит ваши отношения?

— Он продолжит помнить победу за меня. Возможно, станет невыносимее.

— Почему не что-то безразличное?

— Корона не принимает безразличное. Даже малое воспоминание должно иметь вес.

Он знал закон. Элина выбрала вкус первого вина в доме Ориса — тёплого, разбавленного водой, выпитого в день её принятия в ученики. Память была дорогой, но не определяла её профессию целиком. Так она сказала вслух.

Орис услышал бы в выборе обвинение. Это не делало жертву недобровольной, но Элина записала мотив рядом с описанием.

Клятву проводили без Короны Межи. Для малых договоров Палата хранила прозрачное кольцо, не способное усиливать приказы за пределами участников. Велла проверила формулировку:

«До следующего полудня Элина Вард и Тайр Лоссен совместно находят Ивару Тесс, предлагают ей независимую защиту и доставляют выбранное ею свидетельство законному хранителю. Ни один не использует путь или сведения для иной политической цели».

— «Совместно» заставит нас соглашаться по каждому шагу? — спросил Тайр.

— Только по действиям, влияющим на цель, — сказала Элина. — Вы сможете выбирать, каким сапогом наступить в лужу.

— Тогда договор уже щедр.

Это была первая шутка между ними. Элина не улыбнулась, но напряжение в комнате изменилось.

Они по очереди положили пальцы на кольцо. Велла попросила каждого назвать воспоминание, ожидаемую потерю и право остановиться.

Элина вспомнила комнату Ориса в день ученичества. Зелёные занавеси, чашу с трещиной, запах яблок. Вино было кислым, но наставник торжественно назвал его лучшим с северного склона. Она помнила, как старалась не поморщиться.

— Отдаю вкус вина, не событие, не голос Ориса и не решение стать хранителем.

Кольцо приняло границы. На стекле появилась золотистая точка.

Тайр закрыл глаза.

— Отдаю память о последнем круге скачек: движение коня, победу над Рейном и собственную радость после финиша. Не отдаю знание о соревновании, отношения с братом и умение ездить верхом.

Вторая точка стала синей.

— Согласны продолжить? — спросила Велла.

— Да, — сказала Элина.

— Да, — сказал Тайр.

Точки вспыхнули и рассыпались внутри кольца двумя щепотями пепла.

Элина сразу знала, что пила вино у Ориса. Видела чашу и собственную руку. Но во рту не возникало ничего — ни кислоты, ни тепла, ни усилия скрыть гримасу. Событие стало рассказом, который она слишком часто повторяла.

Тайр пошатнулся. Не от боли — от пустоты в привычном месте.

— Что изменилось? — спросила лекарь Лисса.

— Я знаю, что выиграл. Не понимаю, почему при мысли о Рейне хочется напомнить ему об этом.

— Желание может исчезнуть позже, когда память перестроится. Назовите три опоры настоящего.

Тайр перечислил имя, место и цель клятвы. Элина сделала то же. Только после этого им открыли канал.

Они вышли из Палаты через нижнюю печь, где раньше поднимали горячие листы стекла. Туннель был узким, но не тайным: храмовые книги содержали его план. У входа Роан отметил время и обещал поднять тревогу, если они не вернутся до рассвета.

На западном рынке уже закрывали лавки. Дождь смыл мел с вывесок, вода несла по мостовой цветочные лепестки с траурных венков Сайры. Тайр шёл на полшага позади, не пытаясь вести.

— Вы действительно не чувствуете вкус? — спросил он.

— Знаю, что он был кислым.

— Это знание о вкусе.

— Нет. Это знание о моей реакции.

— Разница важна?

— Спросите завтра, когда будете знать о победе и не помнить её.

Он помолчал.

— Уже сейчас важна.

Дом Ивары находился над мастерской оправ. Дверь была открыта, в комнате горела лампа. На столе стояли две чашки, одна ещё тёплая.

Ивары не было.

Элина остановилась на пороге. Клятва отзывалась холодом в пальцах: помещение влияло на их цель, значит, войти можно только совместным решением.

— Осматриваем без перемещения вещей, — сказала она.

— Согласен. Сначала проверим, нет ли человека внутри.

Они назвали действия и вошли.

В спальне лежал собранный дорожный мешок. На полу — разбитая оправа, на подоконнике — след мокрой ладони. След вёл наружу, к крыше соседнего склада.

Тайр увидел его первым и не полез следом.

— Это может быть путь Ивары или того, кто хочет, чтобы мы так решили.

Элина кивнула. Клятва не делала его честным вообще. Она лишь не позволяла использовать найденное для иной цели без видимого нарушения. Доверие всё ещё требовало наблюдать поступки.

Из шкафа донёсся шорох.

Тайр отступил, освобождая Элине путь к двери, и спросил громко:

— Ивара Тесс? Мы пришли предложить защиту. Вы не обязаны выходить или говорить с нами.

Шорох повторился. Дверца приоткрылась.

До комнаты Ивары они проверили ещё два адреса. На первом жила другая мастерица с той же фамилией. Тайр уже поднялся по лестнице, когда Элина заметила различие в знаке цеха: оправа для зеркал, не для памяти. Они извинились и не спрашивали женщину о родственниках, чтобы не расширять круг посвящённых.

На втором адресе находился пустой склад. Сосед уверенно заявил, что видел Ивару утром, но описал женщину на двадцать лет моложе. Элина записала ошибочное опознание вместе с именем свидетеля и не включила в маршрут. Клятва не делала каждую подсказку истинной.

Тайр спросил, чувствует ли она магическое направление цели. Элина ощущала только холод, когда они отклонялись к действию, явно не связанному с поиском или защитой свидетельницы. Клятва не показывала правильную дорогу и не читала намерения. Она ограничивала использование результата.

— Значит, можно честно идти не туда весь день, — сказал он.

— Да.

— И это считается магией власти?

— Лучшая власть не избавляет от необходимости думать.

У дома над мастерской они обошли здание снаружи, отметили открытое окно и попросили соседку подтвердить, что Ивара действительно живёт здесь. Только потом вошли через незапертую дверь, громко назвав себя. Тёплая чашка не доказывала похищение: женщина могла выйти минуту назад по собственной воле.

Тайр первым увидел разбитую оправу и остановил Элину, прежде чем она наступила на осколок. Он не поднял предмет. Клятва отзывалась ровным теплом — сохранение возможного свидетельства входило в общую задачу.

Из шкафа донёсся шорох.

Они отступили так, чтобы человек внутри видел путь к наружной двери. Тайр положил нож для писем на стол и показал пустые ладони. Элина назвала своё имя, цель и право скрывающегося не отвечать.

Дверца не открывалась.

— Мы можем выйти и дожждаться судью снаружи, — сказала она. — Если вам нужна помощь сейчас, назовите только её вид, не имя.

Внутри тихо сказали:

— Не уходите.

Внутри сидел мальчик лет двенадцати с ножом для резки кожи. Он держал его обеими руками.

— Мама ушла с человеком в сером, — сказал он. — Велела ждать хранительницу Вард. Элина присела, оставаясь на расстоянии.

— Ты знаешь, куда они пошли?

Мальчик посмотрел на Тайра и побледнел.

— Это его люди.

На рукаве наследника не было герба. Но ребёнок показал на шрам у виска.

— Мама сказала: человек с таким шрамом заплатил за тихую комнату.

Дом разбитых стекол

Мальчика звали Нель, и он отказывался выходить из шкафа, пока Элина не покажет печать Палаты.

Она сняла медальон с шеи и положила на пол между ними. Открытая ладонь была выгравирована с обеих сторон, чтобы знак нельзя было незаметно заменить. Нель дотянулся ножом, подцепил цепочку и рассмотрел печать, не выпуская оружия.

— Мама сказала верить только ладони без кольца.

— Почему без кольца?

— Человек в сером носил такую же, но вокруг был ободок.

Знак регентской службы копировал печать Палаты и добавлял круг Совета. Издалека их легко спутать. Элина записала точное описание.

Тайр оставался у окна, чтобы мальчик видел обе его руки.

— Ты сказал, что человек со шрамом платил за комнату, — произнёс он. — Ты видел его?

Нель покачал головой.

— Мама видела платёжную дощечку. Там лицо и шрам.

— Когда?

— Давно. Она прятала её в оправе.

Элина не позволила Тайру задавать следующий вопрос.

— Нель, мы можем вызвать судью Веллу. Ты вправе дожидаться её и не говорить больше нам.

— А он уйдёт?

— Если попросишь.

Тайр уже направился к двери.

— Стойте, — сказал мальчик. — Мама велела смотреть, что он выберет.

— Что именно?

— Меня или дощечку.

Он указал на разбитую оправу у стола. Под кожаной подкладкой блестел край тонкого стекла.

Тайр мог взять его двумя шагами. Вместо этого сел у двери спиной к стене.

— Выбираю ждать судью, — сказал он. — Дощечка никуда не пойдёт без ног.

Нель впервые опустил нож.

Клятва отозвалась теплом: решение влияло на поиск Ивары и было принято совместно. Элина сообщила Роану через уличного посыльного условную фразу, не называя адреса. Через полчаса пришла Велла с двумя судебными служителями. Людей Келя она оставила у рынка.

Судья отдельно спросила Неля, согласен ли он выйти, кто может присутствовать и куда он хочет отправиться. Мальчик выбрал дом тёти в квартале лодочников, но не знал номера. Адрес нашли по городскому списку, не заставляя его вспоминать под давлением.

Стеклянную дощечку извлекли при четырёх свидетелях. На ней был платёж из казны Севала мастерице Иваре Тесс за «работы по сохранению тишины». Плательщиком значился Тайр Лоссен. Рядом находился его профиль: молодой, со свежим шрамом.

Дата — девять лет назад, через год после исчезновения Неи.

Тайр прочёл её дважды.

— Я не выдавал этот платёж.

— Печать подлинная? — спросила Велла.

— Похожа на мою прежнюю.

— Похожа или подлинная?

— Нужно сравнить с казённой книгой.

Элина отметила ответ. Он не объявил дощечку подделкой, хотя она угрожала всему, ради чего он приехал.

Нель вышел из шкафа, завернувшись в одеяло. У двери остановился возле Тайра.

— Мама сказала, вы можете не помнить.

— Чего?

— Что заплатили.

— Почему?

— Потому что память тоже была платой.

После ухода мальчика Велла опечатала комнату. Дощечку решили сравнить с казённой книгой Севалья через независимого счетовода. Тайр предложил немедленно дать доступ к своим архивам.

— Ваши архивы контролируют ваши люди, — сказала Элина.

— Назовите проверяющего сами.

— И вы заранее будете знать, какую запись ищут.

— Тогда заберите всю книгу.

— И позволим Келю обвинить нас в краже финансового реестра кандидата.

Тайр сжал зубы.

— У вас есть предложение, которое не предполагает, что я уже виновен?

— Есть. Судья запрашивает книгу официально, счетовода выбирают островные дома, Палата и городская гильдия вместе. Вы не касаетесь оригинала до сравнения.

— Это займёт день.

— Наша клятва действует до полудня.

— Ивара может не иметь дня.

Он снова был прав в неудобном месте. Элина разделила задачи: Велла начинала процедуру с книгой, они продолжали поиск свидетельницы по следу мокрой ладони и словам Неля.

На крыше соседнего склада нашли обрывок серой ткани. Тайр сразу заметил синюю нить в подгибе.

— Так шьют плащи островной охраны.

— Только вашей?

— Нашей и двух портовых дружин. Но синий оттенок заказывает Севаль.

Следы вели к водостоку, затем исчезали на рынке. Лавочник вспомнил женщину в сопровождении мужчины с закрытым лицом. Она шла сама и несла дорожный мешок. У лодочной пристани пара наняла малую барку до северных складов.

— Похищенная могла изображать добровольность, — сказал Тайр.

— И добровольная свидетельница могла скрываться от нас.

— Нель ждал вас.

— По её приказу. Это не означает, что она хочет быть найденной сейчас.

Они наняли отдельную лодку и записали имя перевозчика. Клятва не указывала способ следования, но запрещала использовать путь для иной политической цели. Тайр оставил секретаря на берегу, чтобы тот не собирал сведения о складах.

Северная гавань была почти пуста. Из-за шторма торговые суда ушли во внутреннюю бухту. На третьем складе сторож узнал описание Ивары и показал комнату наверху.

Она встретила их с арбалетом.

Мужчина в сером лежал у стены со связанными руками. Маска была снята. Элина узнала второго стражника, исчезнувшего у дома разбитых стекол.

— Остановитесь у двери, — сказала Ивара. — Лоссен первым объяснит, почему его печать стоит на моём молчании.

Тайр не посмотрел на пленника.

— Я не помню платёж. Не требую, чтобы вы верили. Казённую книгу уже запрашивает судья.

— Вы действительно не помните, — сказала мастерица. — Значит, отец всё-таки заставил вас отдать тот день.

— Какой день?

Ивара опустила арбалет на палец, не выпуская.

— День, когда вы нашли первую тихую комнату и попытались вывести детей. Ваш отец предложил выбор: память о спасении или жизнь сестры. Вы отдали память. Нею всё равно забрали позже.

Тайр стоял неподвижно. Элина почувствовала, как их клятва дрогнула: найденная свидетельница меняла цель, но не завершала её. Ивара ещё не выбрала защиту и способ показаний.

— Вы можете подтвердить это записью? — спросила Элина.

— Я изготовила платёжную дощечку как квитанцию и спрятала второй слой под изображением. Там память самого обряда.

— Почему не открыли её раньше?

— Потому что открытие уничтожит лицо и подпись. Пока цела дощечка, есть документ. После чтения останется воспоминание, которое можно назвать подделкой.

Доказательство требовало уничтожить собственное основание подлинности.

Ивара указала на связанного стражника.

— Он пришёл предупредить, что люди Келя едут за мной. Помог уйти из дома, потом потребовал отдать дощечку ради безопасности мальчика. Я решила, что безопасность слишком похожа на сделку.

Стражник заговорил:

— Регент не приказывал вредить ей. Он хочет убрать свидетеля из города до выборов.

— По собственной воле? — спросила Велла бы, подумала Элина.

Она произнесла вопрос вслух. Стражник отвернулся.

Ивара выбрала судебное убежище, но поставила условия: Нель остаётся у тёти; Тайр не присутствует при первом показании; дощечку вскрывают только после сравнения с казённой книгой; копии получают три стороны.

— Согласны? — спросила Элина Тайра.

— Да.

— Даже на отсутствие при показании?

— Особенно на него.

Клятва согрелась в последний раз. Они нашли Ивару, предложили независимую защиту и приняли выбранный ею способ свидетельства.

На обратном пути Тайр сидел на носу лодки. Дождь скрывал лицо.

— Если она права, — сказал он, — я однажды уже спасал этих детей.

— Пытались спасти.

— И отдал память об этом. Что тогда осталось от поступка?

— Последствия для тех, кого вы вывели. Записи. Свидетели.

— Для меня?

Элина вспомнила вино без вкуса.

— Ответственность за то, чего не помните, если доказательства выдержат проверку.

Тайр посмотрел на городскую стену.

— А право гордиться?

— Его закон не гарантирует.

До возвращения в суд Ивара попросила заехать к тёте Неля. Она хотела сама объяснить сыну, почему не пришла домой, но судебное убежище запрещало менять маршрут без записи.

Велла разрешила короткую остановку при двух служителях и без раскрытия места будущего проживания.

Нель встретил мать молча. Сначала проверил, нет ли рядом человека в сером, затем потребовал вернуть нож. Ивара отказалась: оружие останется у тётки до окончания угрозы. Мальчик сказал, что она нарушает обещание ничего у него не забирать.

— Я обещала не забирать дощечку без твоего согласия, — ответила Ивара. — Про нож не обещала. Но должна была заранее сказать, что решу после опасности.

Она не исправляла память ребёнка удобным обобщением. Они записали разницу на листке и договорились вернуться к вопросу через три дня. Элина увидела, как правила, придуманные для короны, становятся нужны на кухне между матерью и сыном.

Тайр оставался во дворе. Нель вышел к нему сам и спросил, помнит ли тот спасение детей. Тайр ответил «нет», хотя мог пересказать увиденное на дощечке.

— Значит, вы другой человек?

— Не знаю. Поступок был моим, последствия тоже. Но чувство того дня мне не принадлежит сейчас.

— Мама говорит, хороший человек вернулся бы за остальными.

— Она права требовать ответ. Я не знаю, почему не вернулся, и буду искать документы, а не придумывать красивую причину.

Нель не простил его и не назвал лжецом. Вернулся в дом, оставив вопрос открытым.

На причале судебный служитель заметил слежку: одну и ту же зелёную лодку у двух мостов. Велла не приказала задерживать людей без основания. Она изменила маршрут, послала отдельную пустую лодку и записала номер. Слежка пошла за пустой.

Ивара спросила, не используют ли они лодочника как приманку. Ему заранее объяснили риск и дали право отказаться; он согласился за обычную плату, без магической клятвы. Даже отвлекающий путь требовал человека, а не только стрелку на карте.

До полудня оставалось меньше часа.

На причале их ждал посыльный Веллы. Казённая книга Севаля прибыла в суд. Страница с платёжной записью была вырезана задолго до сегодняшнего дня.

Но на соседней странице сохранился отпечаток пера: «Т. Л. — сохранение тишины — оплачено памятью».

Голос в пепле

Суточная клятва закончилась в комнате судебных часов.

Велла поставила прозрачное кольцо под маятник. Когда полдень ударил в двенадцатый раз, золотая и синяя крупницы погасли. Элина почувствовала не возвращение свободы, а исчезновение видимой границы. Теперь она и Тайр могли использовать найденное как угодно, и никакое стекло не покажет нарушение.

— С этого момента каждое действие снова требует отдельного основания, — сказала она.

— Я не собирался считать клятву заменой характеру, — ответил Тайр.

— Хорошо. Запишите это не как обещание, а как позицию без проверки.

Роан записал. Тайр коротко рассмеялся — без веселья, но и без прежней злости.

Ивара дала первое показание судье без них. Подтвердила существование тихих комнат, изготовление скрытой квитанции и участие старого главы дома Лоссенов. О Келе говорила осторожно: его печати были на приказах о перевозке, но лично она регента не видела.

Казённая книга подтвердила отпечаток удалённой строки. Три независимых счетовода согласились, что запись существовала до вырезания страницы. Кто именно её удалил, установить было нельзя.

Только после этого Велла разрешила вскрыть второй слой платёжной дощечки.

Обряд проводили в суде. Ивара сама нагрела край стекла, Фаль контролировал температуру, Лисса наблюдала за Тайром. Изображение молодого наследника потекло и исчезло. Под ним открылся мутный прямоугольник памяти.

— Последняя возможность сохранить документ целым, — сказала Велла.

Тайр посмотрел на собственное расплавленное лицо.

— Открывайте.

Ивара провела светом по прямоугольнику.

Комната возникла вокруг них без запаха и веса. Они видели её глазами мастерицы: молодой Тайр стоял возле кресел тихой комнаты, держал на руках девочку в островной рубашке и кричал на отца. Звук сначала не было. Затем память нашла голос.

«Открой корабль. Они поедут со мной».

Старший Лоссен отвечал из-за края изображения: «Ты уже показал Келю, что годишься в герои. Теперь покажи, что годишься наследовать».

На столе лежало кольцо малой клятвы. Тайр называл жертву: память о сегодняшнем спасении, от момента входа до выхода последнего ребёнка. Взамен отец обещал оставить Нею в доме и отпустить выведенных детей.

Молодой Тайр соглашался.

Изображение дёрнулось. Ивара отвела свет.

Настоящий Тайр стоял с закрытыми глазами. Лисса спросила три опоры. Он ответил правильно.

— Продолжать? — спросила Велла.

— Да.

— Основание?

— Я хочу знать условия целиком и понимаю, что память не вернётся мне от просмотра.

Судья посмотрела на лекаря. Та кивнула.

Вторая часть показала детей на причале. Их посадили на две лодки без знаков. Нею привели позже, вопреки обещанию. Она ударила отца по лицу и крикнула брату, уже терявшему воспоминание:

«Не отдавай им меня, Тайр. Даже если забудешь — не отдавай».

После обряда он смотрел на неё без узнавания сегодняшнего дня. Знал сестру, но не понимал, почему она плачет и почему на его одежде чужая кровь. Отец сказал, что Тайр упал с лошади. Шрам у виска объяснили тем же.

Память закончилась.

Ивара погасила свет. На дощечке осталась бесцветная трещина. Документ, лицо и подпись были уничтожены чтением; копии изображения сохраняли только процесс разрушения.

Тайр открыл глаза.

— Я вывел детей?

— Память показывает, что вывели, — сказала Велла. — Их дальнейшая судьба не установлена.

— Нея осталась у отца.

— Да.

— Значит, я заплатил и получил ложь.

Элина хотела сказать, что виноват не он. Но память показывала и другое: Тайр согласился отдать собственное свидетельство, оставив детей и сестру зависимыми от обещания человека, которому уже не доверял. Его выбор был понятным, не безупречным.

— Вы выбрали сделку без независимого хранителя, — сказала она. — Ваш отец контролировал кольцо и условия. Это было принуждение.

— Я всё равно назвал жертву.

— Согласие под угрозой чужой жизни не становится свободным от произнесённого «да».

— Но поступок был моим.

— И нарушение — его.

Тайр посмотрел на неё.

— Вы умеете разделять ответственность, когда речь не о вашей семье.

Удар был точным. Элина приняла его молча.

Фаль исследовал остаток дощечки. Состав стекла совпадал с ремонтом короны. Обозначение К-43 относилось не к партии, а к числу исходных воспоминаний, смешанных в примеси. Голос Неи мог быть одним из них, но дощечка этого не доказывала.

Чтобы сравнить отклик, требовалось снова открыть корону. Семеро собрались вечером. Тайр согласился дать контрольную фразу из восстановленного свидетельства, но Элина изменила порядок: фразу произносила Ивара, которая помнила её непосредственно, а Тайр находился за экраном и не слышал первые попытки.

Ивара сказала три предложения. На первых двух чёрный слой не изменился. На третьем — «Не отдавай им меня» — пепел поднялся внутри дуги и образовал тонкий профиль девочки.

Фаль записал реакцию. Лисса потребовала остановить опыт, когда Тайр за экраном потерял равновесие. Он не слышал фразу, но тело откликнулось на корону.

После перерыва Элина предложила сравнить возраст и последовательность слоёв без звукового чтения. Чёрная примесь содержала сорок три фрагмента. Один имел рисунок памяти Лоссенов — синий край, возникавший у людей их островной линии. Это могла быть Нея или другой родственник.

— Для подтверждения нужен семейный образец, — сказал Фаль.

Тайр предложил собственную память.

— Нет, — сказала Элина. — Она уже реагирует на вас непредсказуемо.

— Тогда запись отца.

— Насильственный участник не становится нейтральным образцом.

Ивара тихо произнесла:

— У Неи была собственная сота в домашнем архиве. Девочка отдала память о первом шторме для ученической клятвы лодочников. Если архив сохранился, рисунок там.

Дом Лоссенов находился на Севале. До острова — ночь по беспокойной воде. Выборы начинались утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.